

Дорога в посёлок «Загорный»

Часть 2

 Только к концу второй половины дня, когда солнце, окрашенное в багровый цвет, устало цеплялось за макушки сосен на дальних сопках, повозка прибыла к месту своего назначения. Лошадь едва перебирая копытами по каменистой дороге, измученная палящим зноем уходящего дня, тяжелой телегой, людьми и поклажей, плелась, понуро свесив голову, желая только поскорее уткнуться в ведро с холодной колодезной водой, оказаться в прохладном сарае с яслями, наполненными душистым сенном, с торбой овса. Она, в наступающих сумерках, уже различала высокие ворота крепкой избы, где совсем скоро её распрягут и отправят на ночлег в сарай. Пассажиры в повозке оживились, оглядывая поселение охотников, их домишко барабанного типа с примыкающими к ним огородами, колодцем – журавлем у обочины дороги, с палисадниками у некоторых изб, где угадывались заботливые руки хозяек. У ворот, где остановилась повозка стояла дородная баба, скрестив крупные руки под грудью всматриваясь в лица пассажиров.

– Заждались уж Николай Сергеевич, который раз ужин разогреваем, да и баньку протопили, а вас всё нет и нет.

– Агрепина открывай ворота, с ног валимся, – рыкнул Николай Сергеевич, – сперва дай в дом взойти, лясы потом будем чесать.

 Баба поспешила отворить воротины, и вновь замкнула, их как повозка въехала во двор.

– Ребяты, распрягайте, лошадь напоить и на ночлег её. А вы бабы поклажу в избу, там решим, что дальше делать.

 На крыльце появилась молодая женщина, с косынкой на голове, закатанными рукавами легкой ситцевой кофты. Не мешкая, ухватилась за увесистый чемодан, что лежал с краю на телеге и согнувшись в пояснице на правый бок поволокла его в дом. Степанида с Натальей, суетясь принялись за работу.  Вскоре вещи были занесены в дом и свалены гуртом в углу. Когда все собрались, хозяин приказал присесть по лавкам и приступил к сообщению сложившейся ситуации в семье.

– Значится так, в леспромхозе мне предложили забрать с собой наших гостей. Они значит направлены в наш поселок на работу. Это Степанида, будет работать в столовке в должности поварихи, Наталья – её дочь, думаю, пристроим в медпункт. Степан, сын Стеши, принятый с нашим Лёхой в бригаду заготовителями. Люди хорошие, нужные нам люди, жить будут у нас, для всех прочих, нам они родня. Теперь про домашних. Нас здесь четверо, меня и Леху вы

знаете. Ты, Степанида приходишься мне золовкой, мужик твой в городской больнице на излечении. Да ст бог выздоровеет, к нам прибъётся, нет, так на то воля божья. Значит, мои бабы: Агрепина Фёдоровна – моя тёща, стало быть мать моей жены Прасковьи, и она здесь для всех главная, после меня. Порядок по сему один. Моё слово закон. Спать будем друг с другом в обязательном порядке и только в дому. На людях мы только сродственники. Такой значит у нас будет расклад. С дороги перво на перво банька – потом повячери. Агрепина, определи людей с ночлегом и айда мыться. Лёха, посмотри, как банька, всё ли в порядке.

 Бабы пошли располагаться с местами для сна. Степаниду и Наташку определили в гостевую комнатёнку с небольшим лежаком, где им было немного тесновато, но Агрепина обещала, что мужики его расширят и добавят кой какую мебелишку. Степку положили на кровать Лёшки, а его самого определили временно к Агрепине. Баня была готова и вновь прибывшие вполне могли поместиться с хозяевами. Все пошли через огород в недавно построенную баньку, с собранным, чистым бельишком на сменку. В предбаннике стояли лавки для отдыха, где можно было раздеться и отдохнуть после парилки. Засветили керосиновую лампу и неспешно принялись раздеваться. Степка искося наблюдал за женскими обнаженными телами. Его поразила статная фигура Агрепины, с мощной грудью, свисающей на подтянутый живот, ниже которого кустился треугольник темных волос, тронутых легкой сединой. Прасковья очень близко напоминала статью свою мать, только моложе лет на двадцать. Те же густые волосы, распущеные по спине, молодой подтянутый живот, несмотря на то, что сыну уже пятнадцать. Грудь была довольно крупная и красивая. Кружки сосков бледно розового цвета с шишеками на концах, так и просились в рот. Белоснежные шары контрастировали с грудью Агрепины. Кружки и соски матери выглядели просто черными, как у цыган. Сильные высокие ноги удерживали крепкие зады женщин. Но русый цвет волос на голове Прасковьи, придавал мягкий оттенок грусти в её глазах. Женщина была хороша и не могла не нравиться Степке, который не в силах был отвести от неё глаз. Женщины обратили бы внимание на пристальный взгляд парня, если бы не были заняты оценкой внешности двух соперниц. А гости смущенно мялись, неторопливо стягивая с себя чулки, нижнее бельё, поглядывая на хозяек. Вид обнажённых баб вызывал прилив в членах у ребят. Уже раздевшись, парни стараясь не пялиться на женские прелести, прижимая к животам шайки с мочалками, торопливо направились в парилку, чтобы занять полки, удобные для обзора разворачивающего перед ними действия. А полюбоваться было чем, такого созерцания разнообразия красоты женских тел перед жадными глазами мальчишек, не каждому в жизни доведется. Четыре грации разной комплекции и возраста вошли в парилку со своими шайками и прочим банным скрабом, разместившись на свободных полках. Последним вошел Николай Сергеевич, нисколько не смущаясь своей наготы, давая понять жене и тёще о уже свершившейся близости с новыми наложницами своего гарема. Но при виде столь великолепной картины обнаженных психей, он почувствовал резкий прилив возбуждения в члене. Удовлетворенно крякнув, огляделся по сторонам и вернувшись в предбанник принёс широкую скамейку, установив её с противоположной стороны лежаков. Пар становился всё более жгучим на верхних палатах и согнал ребят вниз на нижние полки парилки.

– Ну что, пожалуй, приступим. С кого начнём?... Давай по старшинству. Агрепина. Ложись на

скамью, пропарим на славу, благо банщиков у нас прибавилось, заодно и поучишь Стёпку, как орудовать веником. Особо не станем лютовать.

Агрепина пересела на скамью и распласталась на животе по всей длине своего мощного тела.

– Лёшка, Стёпка веники в руки и вперёд за дело, – дал команду Николай Сергеевич.

 Между тем, бабы налили воду по тазам и принялись намыливать мочалки. Степанида по привычке попыталась мыть дочь, но та отказалась выглядеть в глазах присутствующих малолеткой и сама взялась натирать себя мочалкой.

Стёпка с усердием охаживал веником спину Агрепины, явственно различая возбуждённые интонации сквозь стоны бабы. Повернув голову к нему, она с вожделением разглядывала раскачивающийся член мальчишки возле самого лица.

– Не слишком шибко, по slabже милок, не молодуху париши, – постанывала Агрепина Федоровна, сдерживая себя, чтобы не ухватить Степана за его причиндалы.

Лешка тем не менее, без особого пыла, похлопывал веником по ногам и ягодицам своей бабки, жалея её, как первую свою женщину. Вспоминал он ту ночь, когда лёжа на топчане замёрз окончательно и бабка, видя скорчившуюся фигурку мальчишки возле остывающей печи, позвала его к себе в постель. Прикорнув у теплого живота Агрепины Федоровны, которую и бабкой не назовёшь, при столь гладком лице без морщин, огромной груди под исподней рубашкой, Лешка разомлел в уютном тепле женского тела и расслабился, чувствуя, как по холодным ступням поднимается теплая волна, доходящая до колен и всё выше по спине к плечам. Агрепина, ощущая прохладные руки внука, сунула их себе под грудь и чмокнув мальчишку в холодную щёку обняла внука и затихла, погружаясь в сладкую дрёму. Отогревшись в душном тепле её тела Леха пошевелил пальцами под сиськами у бабушки, но не получив ожидаемого ворчания, двинулся в путешествие по родному телу, исследуя плотный живот Агрепины Федоровны. Суровая ткань рубашки не позволяла прикоснуться к гладкой поверхности кожи, но это оглаживание женских, таинственных мест волновало мальчишку. Сердце у него стучало и в ушах отдавался каждый его удар, а вдруг его задремавшая нянька проснётся и поняв, чем занят её любимчик выгонит на холодную постель, да родителям расскажет. Но вместо этого, бабка приподняв подол своей рубашки, затянула её до подмышек, предоставив внуку наслаждаться своими познаниями на её ядреном теле. Из наблюдений за родителями Лёха уяснил несколько главных понятий и основным из них – хозяином в постели должен быть мужик. Лешка стал водить руками по телу Агрепины, сжимая ладонями необъятные шары женской груди. Затем, повернув крупное лицо своей женщины, он поцеловал её губы взасос и старался подольше их не отпускать. Агрепина погладила вихры внука и сунула руку в его промежность. Удовлетворенно хмыкнув, она слегка сжала в кулаке его член и начала подрачивать мальчишеский конец.

Другим ярким моментом в жизни Лёхи, стал нежданный визит к ним, из спальни родителей, отца. Лёха, уже порядком возбуждённый, лежал объятый тесным кольцом бабушкиных рук.

– Ну что, не кончил ещё в бабушку, пострел? – отчего у Лёхи ёкнуло сердце и парень вжался в женское тело, ожидая сильной затрещины от отца, – давай, позабався с мамкой, ступай она ждёт тебя, а я пока подменю тебя с моей тёщенкой.

– Ты чего это удумал Николай Сергеевич? – встрепенулась Агрепина Федоровна, – зачем это жену обижашь и меня конфузишь? Да и мальчишку на грех с матерью толкаешь....

– Не я первый начал Агрепина Федоровна. Пусть малец побалуется слегка со своими домашними, да и вам с дочкой полезней станет, меньше на мужиков посматривать будете. Сдвинься малость мать.

– Что ж с тобой поделаешь зятёк, ложись помилуемся, если ещё чего не забыла

Потоптавшись в дверях, Алёшка отправился в родительскую спальню и зайдя увидел сидящую на кровати мать. Распущенные волосы скрывали выражение лица женщины. Лёха сел рядом и положил ладонь на ляжку матери, предчувствуя резкую протестующую реакцию женщины, но она не шелохнулась и лишь отвернула лицо от сына.

– Мам, я это не сам, отец велел, а он с бабушкой там остался.

– Ладно, пусть у меня теперь и полюбовник будет, а что тут сделаешь?

Ободренный согласием матери, Лёшка хозяйственным тоном приказал скинуть рубашку и ложиться на постель.

– Может сперва в рубашке, как в семьях у мужа с женой?

– Нет, давай по людски, ты мне ещё не надоела, что бы в одежде, бабушка и та всё скидывает

– Я что – то не могу сынок сама, ты второй мужик у меня в жизни. Сам меня потом осудишь. Погоди, пообщакнуть мне надо, а я уж потом может..., возьми меня родимый, поди бабка научила тебя чему – то?...

 Лёха поднял мать на ноги, ростом она была выше сына на пол головы, и стянув лямки рубашки с её плеч, спустил их по крупным бёдрам на пол. Грудь и бёдра у Прасковьи уступали размерам у своей матери. Лёшка прижался щекой к тяжелым сиськам матери и провел ладонями по спине, спустился к ягодицам, обхватил руками крепкие бёдра. Потянул на постель, сел между раздвинутых ног Прасковьи, начал играть пальцами с влагалищем женщины. Почувствовав влагу на входе, понял по бабкиным советам, что мать готова принять его в себя. Но не стал торопиться с этим, не ознакомившись со своей кроткой любовницей без подготовки к соитию. Он лёг на мать, упервшись локтями перед собой. А Прасковья, с крепко зажмуренными глазами и приоткрытым ртом, приняла поцелуй сына. Её била нервная мелкая дрожь, в уголках глаз сползали капли слёз на подушку, порывистое дыхание

прерывалось всхлипываниями. Руками она обнимала плечи своего сына, проводила до самых ягодиц и будто спохватываясь, отдергивала руки от тела малолетнего любовника.

– Прасковья, направь его, – шепнул мальчик, впервые назвав её по имени, что облегчило их общение, переведя в статус действительно любовников. И Алексей получил робкий, благодарный поцелуй от своей матери. С дрожью в теле, она прильнула к груди Алёшки. Рука, потная от волнения, прикоснулась к члену паренька и вложила его во влажную, волосатую щель своего влагалища. Парнишка энергично задвигал задом, проталкивая свой член на полную его длину. Мать, раскинув руки, тихо вскрикивала при энергичных толчках сыновнего стержня с лиловым наконечником. Стоны, доносящиеся из соседней комнатёнки, вторили томным поскуливаниям Прасковьи.

Только утром, сидя за завтраком, Николай Сергеевич объявил свои намерения, по поводу произошедшего ночью.

– Полагаю, домочадцы, никто в обиде не остался, все получили, о чём и не мечтали. У каждого по две полюбовницы, по два мужика. Ебись сколь пожелаешь. Ну и порядок для баб, как в посёлке – мужикам не отказывать, а нам баб не обижать.

Распаренную Агрепину Федоровну на скамье, заменила Прасковья, с некоторой стыдливостью перед Степаном плотно сведя ноги, на что муж резонно заметил

– Чего прятать, коли всё равно показывать, парьте её ребята, чтобы самой захотелось.

Степану нравилась робость этой женщины перед ним, пацаном, желая ощутить власть над Прасковьей, он жестче похлёстывал веником по плечам домашней наложницы. При каждом шлепке веника о спину, кулачки женщины невольно сжимались и глаза болезненно щурились, словно от яркого света. Парная экзекуция длилась не долго, впереди были ещё две бабы, ожидающиеся своей очереди.

Степанида поднялась с полки и нехотя улеглась на парильную скамью, сдвинув тяжелые ноги, выставив на показ крупные ягодицы. Хлёсткие удары вениками приводили женщину в состояние трепета и страха за свою Наташку, чья очередь была на подходе. Боль жгла плечи и зад бабе, томные стоны вырывались из горлышка и переходили порой в визг.

– Ну будет вам ребята баб истязать, – прохрипел из угла Николай Сергеевич, – что – то расходились шибко. Степанида вставай будя с тебя. Наташу я сам попарю, вон не жива, не мертвa сидит, потом за вас примусь, парильщики.

Степанида со жгучими следами на спине и ягодицах, матерно ругаясь, сползла со скамьи и отошла к дочке.

– Николай Сергеевич, пожалей девчонку, я сама её попарю, что ей так мучиться, считай ребёнок ещё.

— Наталья давай ложись, всё по уму сделаю, парить надо умеючи, заверил хозяин.

Девочка со страхом приблизилась к месту экзекуции и вытянулась на скамье, сжавшись в ожидании града ударов на спину и задницу.

Мужчина подошёл к скамье и присев на её край, положил широкую ладонь на спину Наташи, та невольно вздрогнула и чуть приподняла голову покосившись в сторону парильщика. Николай Сергеевич продолжал гладить вздрагивающую фигуру девушки. Правой рукой он прошумел листьями веника по икрам ног, поднимаясь все выше, заходя на девичьи ягодички, останавливаясь на плечиках. Макнув веник в горячую воду и слегка окропив тело, лежащее на скамье, прибавил темп и девчонка заёрзала по скамье с легким постаныванием, глаза закатились, рот в слабом дыхании приоткрылся. Пройдя несколько раз в таком ритме, отчего попка порозовела и плечи покрылись легкими полосками от прутьев веника. Николай Сергеевич приказал лечь на спину, и процесс повторился. Также, рука хозяина огладила все изгибы фигуры девочки, отчего, та явно возбудилась, щель между ног слегка приоткрылась. Но первые прикосновения веника вернули её к действительности. Женщины с завистью наблюдали за процессом почти совокупления двух любовников на скамье. Финалом явилось глубокое порывистое дыхание Натальи и судорожное движение ног, готовое раскинуться по требованию парильщика.

 Прошла долгая пара часов, пока продолжалась процедура мытья. Хозяин прошелся более жестко по телам молодых парильщиков, после чего те кряхтя и стеная под ударами веника, по одному отвалились на полках.

Николай Сергеевич сам выбрал себе парильщика, им оказалась Агрепина Федоровна. Она провела процедуру со знанием дела. Мужчина был удовлетворен и уже в конце сего действия, встав со скамьи прижал женщину к себе и на долго впился губами в её рот. Глядя на них пацаны не замедлили произвести подобные действия со Степанидой и Прасковьей. Причем, Степка обняв мать друга припал жадно своим ртом к её послушным но боязливым устам, спустив ладонь на ягодицы своей жертвы. Она, под давлением языка мальчишки приоткрыла рот и впустила его в себя. Степка самозабвенно шуровал своим языком, стараясь засунуть его поглубже в рот своей Прасковьи, а Лёшка, усадив на скамью Степаниду, вложил в разведенные ляжки ладонь, мягко поглаживая влагалище и обсасывая сосок пышной груди. Подошедшая к ним Наталья, присев рядом с Лешкой, теребила его член, оголяя его наконечник и возвращая его в исходное состояние. Прасковья, с опаской оглядывалась на мужа, занятого ласками своей тёщи и убедившись в его лояльности к происходящему у него на глазах, обняла парня за шею и ответила на требовательные поцелуи нынешнего любовника.

Время прошло незаметно, парилка начала остывать, её посетители стали одеваться, чтобы пойти в дом и поужинать. Домочадцы оживленно расселились по лавкам вокруг стола. Сели с теми, с кем любезничали в баньке. Николай Сергеевич степенно взяв бутыль самогона и сдвинув стаканы в круг себя не спеша разлил по ним мутное содержимое не большими порциями.

— Ну разобрали... Теперь значит давайте выпьем, за нас, за нашу семью, чтобы всё в ней было по уму и расположению друг к другу.

Стаканы звякнули, разбивая тишину вечернего застолья. Горячая картошка из чугуна, выхваченная пальцами Агрепины Федоровны, раскатилась по столу. Стёпка с Лёхой, дуя на картофелины, обжигая руки, пытались содрать с неё мундир.

— Значит поясняю, — сказал хозяин хрустя свежим огурцом вновь придвигая к себе стаканы и наполняя их самогоном, — надеюсь, что жить мы будем дружно и уважительно друг к другу. А по сему, на сегодня уж ляжем так, как начали, если захотите меняться, не возражаю. На другие дни упорядочим, чтобы всем хватало. Кому средь бела дня прихватит — не возбраняется, но так, чтобы без посторонних глаз. Пацанве полагаю, иногда допустимо и на лево от своих баб сходить раз другой, дабы не возбуждать чужой интерес к парням без внимания к женскому полу. И нечего носы воротить — это надо для нашего спокойствия. Тебе Степанида, не забывать, что ты пока не вдова, а мужнина жена, а значит за порогом дома — соответствуй нашему уговору. Наталья, в твоем распоряжении два молодых парня, так что на чужих жеребцов глазом не коси, довольствуйся своими кавалерами, благо рядом. Дурной славы нам всем не надо. Одному дашь, считай на общак подпишут, оглоблей не отмашишься, драть будут как сидорову козу от старииков до пацанят, для потехи считай. Прасковья, тебе разрешаю с нашими пострелятами тешиться, и присматривай на людях за ними. Натаху не обходите. С Агрениной, я вам наказываю со всем почтением обходиться. Пользовать по первому её желанию, благо женских недомоганий у неё уже нет. А теперь давайте дружно выпьем и по койкам, завтра всем на работу вставать. Лёха, тебе сегодня Стешу и Наташу даю.

Все выпили, закусив домашними разносолами и женщины отправились стелить постели. Мужики остались на посошок, обговаривая тему ночлега.

— Степан, с Прасковьей без грубости — не привычная к этому. Нежности любит, с Алехой у неё всегда хорошо выходило, — с пьянеющей откровенностью произнёс Николай Сергеевич, — чем лучше бабе, тем слаще мужику достаётся. Хрен в рот и в зад совать не спеши, захочет сама возьмет, не блядь какая, принуждать не моги — холодная к тебе будет. А ты Алёха, не одну Стешу пользуй, но и дочку не отстраняй. Ей тоже требуется мужика, разовьётся еще в красавицу, от вас отбоя не будет, а на людях берегите её, она вам сестра теперь. Ну будя учить уму разуму, отправляйтесь к своим бабам, но особо не шумите, — махнув ещё по одной, разошлись по теплым постелям.

 Николай Сергеевич вошёл в комнатку Агрепины Федоровны, плотно прикрыв за собой тяжелую дверь. Тёща сидела на кровати, расплетая толстую косу. Кинув строгий взгляд на вошедшего, не закончив начатого, женщина встала ему навстречу. Подойдя, она положила руку на курчавую голову зятя, по матерински потрепав по вихрам, с укором сказала:

— Не гоже за место жены к полюбовнице спешить, или шибко заскучал?

– Не без того милая, да и она не одна сейчас. Пущай кровь разогреет маленько. А что соскучился – факт. Ночами снишься, Стешу ебал, а тебя видел. Как я тебя – то сразу не высмотрел, на тебе нужно было жениться, а не на Прасковье, да поздно понял. Всю эту чехарду с блядством за тем и затеял, чтобы не прятаться по углам. Чем ты меня зацепила? – понять не могу. Груди твои – ровно ароматные дыни под солнцем. У Прасковьи прохладные, словно в ненастье, видать не пробудил я их, и губы холодом обдаают, как морозцем прихвачены. А Алёшку родила на твой манер, с огоньком парнишка, много бабам радости доставит по жизни.

– Ладно, уж коли пришел – знать и вправду скучал, да и я, чего греха таить, извелась без тебя. Ночами заснуть не могу, дни считаю, когда приедешь. Ведь я давно за тебя мучаюсь, поди с самой вашей свадьбы. Я и Алёшку к себе пригрела, дюже, как на тебя похож. Пусть уж сколь мне осталось напоследок, возле тебя погреюсь душой и телом.
 Николай Сергеевич провел рукой по плечу своей Агрепины, спустил лямку рубашки, затем другую, она прихватила рукой спадающую одежду на груди...

– Погодь родимый, свет пригаси, не молода уж наготовой отсвечивать, да и в окна кто увидит... Ставни – то надо было прикрыть. Хозяин дунул в стекло керосиновой лампы и потянул бабу за собой на постель.

Стёпка не громко кашлянув, хотел постучать в дверь хозяйской опочивальни, но передумав отворил обитую войлоком массивную дверь, В сумраке на постели, под медвежьей шкурой на стене, сидела та, которую он ещё по приезду на крыльце выделил среди всех собравшихся баб. А позже в баньке, оценив достоинства женских прелестей у неё одной, почувствовал томительную радость обладания этой женщиной. Ему тогда уже захотелось испытать чувство жёсткой власти над трепещущим телом, распластанным на скамье в парилке. И потом, когда сидели за столом за ужином, ещё не зная, кто с кем проведёт первую ночь, рука Степана лежала на круглом колене Прасковьи. И по дрожи в женской ноге, он понял её желание отдаваться ему, так скоро и требовательно предъявившего на неё свои права. Скинув с себя одежду, Стёпка молча лёг рядом с Прасковьей. Та, напряжённо обхватив руками сильные колени, смотрела перед собой блестящими в темноте глазами. Ни один не проронил ни слова, будто сговорились, вступить в таинство грешной связи между мальчишкой и женщиной. Парень потянул за локоть молчащую Прасковью, та медленно опустилась рядом с ним на подушку. Прошла минута, другая и прикоснулась к плечу Степана.

– Ты меня хочешь иль тебе велено было ко мне идти?

– А, что сама не поняла? У меня сердце зашлось от радости, когда тебя оставили за мной.

– Значит понравилась тебе... Ты мне тоже глянулся, хоть и молод, а мужик вроде как стоящий. Мне раздеться? Я же не стану перед тобой ломаться, в бане у нас почитай уже было что – то. Целуешь ты хорошо, ношибко грубо, будто наказать хочешь за что – то. Дай срок, я тебя всему научу.

 Прасковья встала на колени и стянула с себя ночную рубаху, вновь опустилась на своё место и нежно прильнула к губам Степана.

Продолжение следует